

Записки динозавра

Сделаны в СССР

Эпизоды о неординарных людях, оставивших след в летописи Магнитки

У сегодняшних моих «динозаврий» два героя, два действующих лица. Первый – Ирина Андреева. Нарекаю её старославянским добрым именем Берегиня.

В нашей газете она получила квалификацию краеведа и автора «Города в буквах от А до Я». С авторством всё очевидно. А вот на счёт краеведения... В её материалах оно второстепенно, сопутствующе. А на первом плане – короткие ёмкие рассказы о людях Магнитки. И её заботами сделана «История Магнитки в датах и лицах»... Золотая россыпь имён и подвигов. А за всем этим изобилием даже не знаю как сказать, – поистине атлантов труд. Изо дня в день, хорошо организованный и продуманный.

Наша Ирина Владимировна – мастер человековедения. В этой работе её гражданская позиция и – высокопарно может прозвучит, но иначе не получается – гражданский подвиг. Говорю без пафоса.

А теперь о пафосе по отношению к ней. Она – мужественный человек. В марте из жизни ушёл её муж. Кто-нибудь заметил перебои в публикациях её материалов?

Кто прошёл школу горя из-за утраты родного человека, меня поймёт

Ирина Владимировна прошла горечь утраты достойно. И она обеспечила мне встречу через Интернет со старым другом.

Итак, второе действующее лицо – Леонид Ветштейн, член Союза писателей Израиля, автор более 20 книг. Его послужной список впечатляет. Зайдите на сайт нашей газеты и в номере за 12 августа прошлого года поплотнее познакомьтесь с ним.

Мне трудно вато рассказывать дальнейшее – очень много воспоминаний. Перейду к главному. Ира Андреева через мою внучку Олю передала добродельную книжищу «Рудик». Читал воспоминания о враче и политике Рудольфе Гуне – комок стоял в горле. Пришли и свои воспоминания.

Оказывается, мы с Рудиком мёрзнем в холода. Однажды на излёте осени мы с женой явились на распродажу термоносков и белья во Дворец Ленинского комсомола – ныне театр оперы и балета. Жена ушла знакомиться с ассортиментом, я забрался на второй этаж перекурить. Сверху увидел – идут Рудик с женой Раей. Я замахал оставшейся клешней с сигаретой. Батюшки, его улыбка и жест: «Буду жди». Жёны ходили, приценивались, а мы с Рудиком ловили сигаретный кайф. Кто меня помнит – знают: я сильно вежливый.

– Руд, что – мёрзнут волчьи хвосты?

– Ой мёрзнут, ой мёрзнут, – подхватил он.

– Рудольф Семёнович, при вашем социальном статусе и всемагнитной известности мёрзнуть как-то неприлично, – заявил я.

– Однако мёрзну, – ответил он.

Я попросил передать привет учёному-металлургу Геннадию Гуну: мы два последних года перед окончанием школы сидели за одной партой и за шалости из класса нас выгоняли обоих. Больше Рудика я не видел. Встретился и с ним, и с Геной в книге о нём и его близких и коллегах. И с поспоминаниями врача Раисы Петровны Гун – жены Рудика, это не мемуарное чтиво, а публицистика высокого накала. В память о Рудике на пристрое к хирургическому корпусу первой городской больницы закреплена гранитная доска.

Мы росли в одном дворе, учились в одной школе № 16. Уж не знаю, сколько раз я был в доме Гунов и на левом и на правом берегу. На одном погосте покоятся наши родители. Мои и Леонида Ветштейна в том числе...

Уходят империи и галактики, не уходит наша память

Именно об этом книга Леонида Ветштейна. «Фамилия» ей – «Тянет как магнитом». Читал, не мог остановиться. Речь о нас – согражданах нашего – позже будут доказательства – самого необычного города на земле. Нашего города.

Пересказывать Леонида более чем глупо. Просто приведу несколько отрывков из его книги, в городе её нет. Компьютерный манускрипт в отрывках мне подарила Ирина Андреева, а я – читателям.

«К сожалению, я очень мало личного могу внести в общую копилку воспоминаний о Борисе Александровиче Ручьёве. И если бы не один эпизод, о котором ниже, я вообще не взялся бы за этот мемуар.

Впервые я увидел его на одном из занятий Магнитогорского литературного объединения в 1957 году. Руководил объединением Николай Павлович Воронов. Из тех, кто был тогда в лито при газете «Магнитогорский рабочий», помню Юру Петрова, Владилена Машковцева, Колю Курочкина, Колю Родионова, Сашу Никитина, Валу Немову, Аню Бутяеву (в дальнейшем Турусову), Виталия Севастьянова, Феликса Можайко, Сашу Лаптева, Виталия Шувагина, Виктора Павлина, Володю Лапко, Володю Петренко, Геннадия Ахметшина. Кажется, был ещё Эмир Голанд... Позже, через год-другой, появился Костя Нефедьев. Сам я, в то время студент пединститута, был в литобъединении, что называется, никем. Вроде бы подавал какие-то надежды, имея за душой пятак более или менее путных стихотворений, понравившихся руководителю нашего литбратства. Неземно участвовал с этими стихами во встречах с читателями, коих (встреч), к слову, было в те годы немало. Больше в то время ничего у меня не писалось, был очень долгий, мучи-

На приличном снимке мы с Л. Ветштейном в Карагайском бору около дома отдыха «Строитель» после тихой охоты. А у себя в книге Леонид публикует снимок, где мы в том же бору не то лесорубы, не то браконьеры.

Леонид Ветштейн, Владимир Каганис

тельный творческий кризис, продолжавшийся до начала 60-х годов, пока я не набрёл на «свой» жанр – литературную пародию.

Когда Борис Александрович стал руководителем объединения магнитогорских литераторов, я был на занятиях лишь несколько раз, ибо испытывал жуткие психологические неудобства от полного творческого коллапса. Я страшно боялся, что вдруг попросит он меня что-нибудь прочесть, а мне читать было нечего. Но так случилось, что дважды за это время я побывал дома у Бориса Александровича: меня туда затгивал мой хороший приятель Юра Петров, который был запросто вхож к Борису Александровичу. Я был в той самой квартире, которая ныне музей Б. А. Ручьёва. Однажды, когда я был у него дома, Борис Александрович читал стихи. Но не свои, а Николая Заболоцкого и Бориса Корнилова, которых он любил. Ещё не могу забыть, как хорошо относился Борис Александрович к Юре Петрову (бою, начисто забытому в Магнитке, а между тем он, по моему, был первым из молодых литераторов, издавших книгу стихов в Челябинске; она называется «Трудная профессия», 1963. Предисловие к этой книге написал очень известный тогда поэт Сергей Смирнов).

Слегка поправлю Лёню. Читатели нашего «Металла» имели возможность познакомиться с «Нашим другом Юпи» и небольшой подборкой его стихов. Прежде чем цитировать Леонида дальше, скажу: со всеми, кого он назвал, мне довелось и дружить, и общаться. Если бы В. Ульянов-Ленин писал не о декабристах, а о творческих людях Магнитки, получилось бы примерно следующее:

«Узок круг этих способных людей. Но они – плоть от плоти народа, и их дело не пропало даром»

Цитирую Леонида дальше. «Так случилось, что приход нового 1973 года мы с женой решили встретить вдвоём, не в компании, а у себя дома. Уложили спать двухлетнего сынишку и сидим себе за праздничным столом, смотрим телевизор, новогодний «Голубой огонёк». Кремлёвские куранты пробили 24.00. Подняли тост. Стали ждать Нового года, который наступит в Москве через два часа. И вдруг в полвторого ночи – звонок! Беру трубку и слышу, ушам своим не веря, неповторимый, с всегдашней хрипотцой голос Бориса Александровича:

– Бери жену и приходи ко мне. Мы с Любей ждём вас. Возражений не принимаю.

Ну и что я могу рассказать об этом визите? Хотите верить... Но – не помню ничего. Я ничего ровным счётом не помню из того, что было в ту новогоднюю ночь у Бориса Александровича Ручьёва. Помню только, что кроме нас у него был Владилена Машковцев (даже не помню, один или с женой; кажется, всё же один).

Слегка поправлю Лёню. Человек строгих правил, поэт, прозаик, полковник Оренбургского казачьего войска Владилена Машковцев без своей Риммы Владимировны да в Новый год, да у Ручьёва быть никак не мог. Это она сама мне подтвердила.

«Помню, конечно, Любу, жену Бориса Александровича, что-то нехитрое подававшую на стол. И больше не помню НИ ЧЕ ГО. Наверное, от неожиданности. Наверное, оттого, что постоянно мерещилось, что в своей кроватке преснулся сын... И ещё, наверное, оттого, что как-то явственно ощущал, что надо хоть что-то запомнить. Больше Бориса Александровича я не видел никогда. Это ведь был последний Новый год в его жизни, а я ровно через месяц уехал в Узбекистан.

Когда то я пытался родить нечто в рифму, посвящённое Борису Александровичу. Увы, достойных строк у меня не получилось. В памяти, однако, осталась строфа, заготовка из ненаписанного стихотворения. Конечно, в духе тех лет:

У вас в поэмах – не героев горстка.
У вас в стихах герой – рабочий класс.
Я вас не мыслю без Магнитогорска.
Не мыслю и Магнитогорск без вас....».

Хорошо Антону Павловичу Чехову. Он изрёк, что краткость сестра таланта. У меня кратко не получается.

Я бы ещё цитировал, но у газетной странички свои границы. Приходится скукоживаться.

В год 85-летия нашего «Металла» 9 апреля 2020 года перечислены все редактора. Вместо портрета Владимира Матвеевича Шураева некий штриховой анфас. В книге Леонида есть Володин снимок. Грядёт 90-летие нашей газеты. Не вредно вновь повторить её редакторов портретно. И добавить имена моих друзей Андрея Подольского, Владимира Рыбака и блистательного Станислава Рухмалёва...

Как-то зимой мы засиделись в гостеприимном доме Шураевых. Тогдашний секретарь парткома

комбината буквально выжил Володю из редакторов. И что толку? Шураев стал завпартотделом городской газеты, и, поднимая очередную стопарь, я посмеивался:

– Продолжай расти.

Стали собираться домой, а наш коллега Габдулла Ахметшин прилип к столу. Моя супруга – светлая ей память – толерантностью не отличалась, поволокла Габдулла в прихожую и зашипела:

– Охренел? Володя с Ниной устали и хотят побыть вдвоём.

А Володя рос. Мы гостили у него – уже заместителя главного редактора областной газеты Бухары, публиковались и даже получали гонорар. А пародии Леонида Ветштейна Володя на свой страх и риск опубликовал в нашем «Металле» 21 марта 1965 года. В своей книге Лёня написал: «Это был ПОСТУПОК!»

Страшно жаль закругляться. Мы с Ириной Андреевой предложим редакции опубликовать хотя бы часть из написанного Лёней в книге «Тянет как магнитом». Наш авторитетный и полномочный представитель в Израиле, начинавший писательскую стезю в «Магнитогорском металле», выдал отличную повесть о наших замечательных земляках.

И в заключение леонидово «Магнитка Магнитогорская!»:

Сегодня много
Магниток в стране
и поступь у них
гигантская.
Магнитка в Липецке.
На целине
Магнитка
есть
Казахстанская.
А мы, уральцы,
тем горды,
что славу им
создал броскую
город,
что встал
у Магнитной горы –
Магнитка Магнитогорская!

В 1968 году, работая на телевидении, вместе в редактором Анной Турусовой – ныне известным писателем – Леонид стал сценаристом первого фильма о нашем городе. Планетарно мыслили авторы. Хочу только добавить: есть северная Магнитка – Норильск, индийская – Бхилаи, болгарская около Пловдива... В год 90-летия нашего комбината уместно вспомнить об этом. Что сказать нашим аборигенам? Пусть наши искренние пожелания помогут им жить и творить дальше.

Владимир Каганис,
член Союза журналистов России
с 1966 года

Ирина Андреева